

ОБЩЕ-ТО ПРИМЕНИМО к России статью надо было назвать: между волком и собакой. Ибо мне интереснее в этой книге не главная героиня, древняя восточная лиса-оборотень, забредшая к нам в поисках приключений, как бы она ни была умна и привлекательна, а симболизирующий и коренную Россию, и сам русский народ волк-оборотень, ближе к концу романа превращающийся в собаку, а в человеческом облике — спаситель России, нефтедобытчик и генерал спецслужб Саша Серый.

То ли в России жизнь сейчас такая идёт — то ли волчья, то ли собачья, — но это сравнение напрашивается уже не раз. И Саша Соколов со своим давним романом "Между волком и собакой" тут явно ни при чём. А уж лиса, это, естественно — со стороны, с китайского востока в гости к нам забрела, в избушку нашу лубяную. Облагораживать нашу волчью жизнь.

Хотя в новом романе Виктора Пелевина литературных параллелей, как всегда, выше крыши. Остаточный постмодернизм. Не только классики: Гоголь, Булгаков, Шарль Перро и так далее, но даже наши современники явно прочтываются. То Хольм Ван Зайчик, он же Вячеслав Рыбаков проявится со своими лисами-оборотнями, то Сергей Лукьяненко с шумевшим "Ночным дозором", с противостоянием людей света и людей тьмы, то с Александром Бушковым спор идёт. Да и с прежними своими книгами выстраивает автор такие переходные мостики. Можно при желании и "Белку" Анатолия Кима вспомнить, его же "Отец-лес", можно и распутинского хозяина острова из "Прощания с Матёрой".

Ну что ж, вся мировая литература с момента публикации становится литературным фольклором, который лишь обогащает всё новые и новые поколения писателей. Почему бы и Виктору Пелевину не приобщиться к новейшему литературному фольклору? Пелевин литературен, как многие наши классики, но не вторичен.

По-моему, сама Россия в новом романе Виктора Пелевина "Священная книга оборотня" находится в состоянии между волком и собакой. Можно бы и порадоваться за писателя. Подобно своим постмодернистическим собратьям Владимиру Сорокину, Анатолию Королеву, Юрию Буйде, Виктору Пелевину в новом романе возвращается к признанию значимости смысла, к признанию влияния слова на общество. И пусть остаетсявольное обращение с классикой, присваивание себе булгаковских и иных персонажей, остается постмодернистская манера письма, разве сам сюжет с оборотнями в качестве главных героев не постмодернистичен? Да и так ли новы в роли героев лисы-оборотни и волки-оборотни? Нова для Пелевина идея об ответственности литературы перед своим читателем, идея, которая верховодит всеми этими постмодернистскими приемами. Художник волен писать что угодно и о ком угодно, но он по-прежнему пишет о человеке и для человека.

Скажем, я в процессе чтения быстро забыл, что любовь, торжествующая в книге (а роман на самом деле и о сильной человеческой любви), это любовь между лисой в человеческом облике и волком-оборотнем, в конце романа превращающемся в собаку. Любовь — чересчур человеческое, чересчур живое чувство, чтобы её можно было абстрагировать. Маски персонажей меняются, так было всегда в мировой литературе, а чувства человеческие остаются неизменными...

Сам Виктор Пелевин побаивается пока ещё напрямую писать о России. Напрямую переживать не только за себя и своих близких, но и за жизнь всего общества, всего народа. Недаром он сам как автор, пиша от первого лица, предпочитает скрываться под личиной древней мудрой китайской лисы А Хули, немного отстраняется от своего русского персонажа, но уж волчара-то Саша Серый — это прямо "красно-коричневый" герой из романов Александра Проханова. Да и расставание печальное наших возлюбленных происходит прямо, как в классическом русском романе то ли девятнадцатого, то ли двадцатого века. Лиса рвется к мировому блаженству. К хулиду подальше от человеческого "ледяного мрака, в котором скрежещут зубами олигархи и прокуроры, либералы и консерваторы, пидарасы и натуралы, Интернет-колумнисты (столь ненавистные Пелевину), оборотни в погонах и портфельные инвесторы". Она мечтает и любимого Сашеньку освободить и увести подальше от всего этого зменого дерьма. "И может быть, не только ты, но и другие благородные существа, у которых есть сердце... сумеют извлечь из этой книги пользу... а пока — спасибо тебе за главное, что ты мне открыл. Спасибо тебе за любовь..."

Саша же с кровью и болью отriveает свою любовь от себя. И пишет в своем последнем послании любимой: "...А я извиню тебе эту слепую собаку. Может, я и слепой по сравнению с тобой. Но уж какие есть. С завтрашнего утра выхожу на работу... Дивную силу, полученную от тебя в дар, я направлю на служение своей стране. Спасибо тебе за неё..."

Если кто-то думает, что это лишь ироничные приемчики Пелевина, искренне заблуждается. Писатель всегда пишет о себе и про себя. Он ещё далек от этого своего героя, но уже понимает его и понимает необходимость его.

Мне дела нет, что этот сверхгерой, этот одержимый долгом и русской державностью сверхоборотень работает, как это модно сейчас в нашем обществе, в спецслужбах России, вычищая общество от мародеров и присосавшихся мошенников. Хотя сатирические портреты всех этих новых русских в романе говорят и об отношении к ним самого автора. Служба — это как знак, не более. Мне дела нет и до того, что русский державный патриот — сверхоборотень. Во-первых, тоже литературный ход, не более, во-вторых, все мы сегодня прослоены разной нечистью, и строить новую Россию надо из того материала человечес-

Владимир БОНДАРЕНКО

МЕЖДУ ЛИСОЙ И ВОЛКОМ

Завтра — 2004
Век. (N 19) — с. 8

кого, который есть. Или же отвернуться и плакаться об ушедшей России. А я плакаться не хочу. В семнадцатом году всю эмиграцию слезами залили: России нет, у неё есть только прошлое, а в результате в космос — то первым наш русский Гагарин полетел.

Ещё одна неожиданная тема — Православие, которому, как и положено по русским канонам, подвержен наш Саша Серый, генерал, выкачивающий нефть в закрома родины. Пусть ортодоксы хмурят брови и скалят зубы, что это ещё за оборотень, верящий в Православие. А разве мы нынче все не оборотни, сменившие свои символы и убеждения и кое-как пришедшие к православному кресту. Разве сменить партбилет КПСС на крест и служение, как это сделал, к примеру, Владимир Крупин и многие другие, перейти из ЦК КПСС и газеты "Правда" в храм Господень, как случилось, с Валерием Ганичевым, и Александром Михайловым, и Александром Ципко, Вадимом Деметьевым и Борисом Мироновым, не значит — оборотиться? И не прав ли этот наш Серый, когда отвечает своей любимой:

"Но ведь ты оборотень, Саша. Значит, по всем православным понятиям, тебе дорога одна — в ад. Зачем, интересно, ты себе такую веру выбрал, по которой тебе в ад идти надо?"

— Веру не выбирают. — сказал он угрюмо. — Как и родину.

— Но ведь религия нужна, чтобы дать надежду на спасение. На что же ты надеешься?"

— Что Бог простит мне тёмные дела.
— И какие у тебя тёмные дела?
— Известно какие. Образ Божий потерял. Я чуть не задохнулась от негодования.

— Значит, ты считаешь меня не самым светлым и чистым, что есть в твоей волчьей жизни. А, наоборот, тёмным делом, которое тебе испускать придётся? Это меня? Тебе, волчина позорный?"

Он пожал плечами.
— Я тебя люблю, ты знаешь. Дело не в тебе лично. Просто мы живем с тобой, того... во грехе..."

Такой вот непонятный оборотень появился в романе Пелевина. Вместо того, чтобы делать зло, старается делать добро. Служит родине и государству, по старинке, без всякого постмодернизма. Конечно, как и сам Виктор Пелевин, его волчий герой любит нордический и

кельтский пантеон. "Фабрик там, Нагльфар. Фенрир, Локи. Сны Бальдра..."

— Это всё то же, — смущенно улынулся он. — Только это внешнее, шлуха. Как бы обрамление, эстетика. Ну, знаешь, как сфинксы на берегу Невы..."

Вот и кажется мне, что в романе "Священная книга оборотня" вся эта постмодернистская игра с прошлым, весь этот водоворот свободно перемещающихся во времени героев-оборотней становится для автора лишь эстетическим обрамлением, внешней шелухой для жаждущего читателя. А увлекшись книгой, привлеченный делами оборотней, читатель вдруг погружается в мир справедливости и долга, морали и добра, в мир привычных классических русских ценностей. Не случайно либеральная критика уже прошла иронически по этому роману. Подивилась тому, что Пелевин стал писать, пусть и хорошо, что как все. Отбрисил свои чертвячки рожки, сделанные из плохого картона.

Я и сам собираюсь упрекнуть автора нового романа, но совсем за другое. До своего волчары по мировосприятию Пелевин ещё явно не дорос. Лишь тянется к нему, дает читателю как иной возможный вариант существующего в обществе мышления. Сам же никак не может выбрать

Виктор ПЕЛЕВИН

ся отнюдь не из постмодернистских словесных кружев. Не они страшат меня в литературе. Я уверен, несмотря на вопли всех Коженевых, что и постмодернизм начинает терзаться за наше бедное Отечество. О чем, кстати, замечательно написал ещё один его мастер Анатолий Королев: "Если раньше никто не требовал нравственной одаренности, то сегодня время предъявляет к каждому этот призв."

Виктор Пелевин по-прежнему ироничен, но его ирония уже не распротраняется на мысли его героев, на нравственную одаренность души, на отношение к родине и к народу. Беда его в том, что в поисках выхода из кризиса он, подобно Владимиру Сорокину, устремляется в крайний индивидуализм и нищезанство, в некое избраннычество, которое спасет его от грязного мира людей. Радужный Поток, к которому стремится его лиса А Хули, мало чем отличается от того Света Изначального, предназначенного для говорящих сердцем братьев и сестер, избранных и избранных из романа "Путь Бро" Владимира Сорокина. Ведь не замисловывали же друг у друга, а в одно и то же время пришли к похожей концепции некоего высшего мира, к которому могут прикоснуться лишь избранные.

К счастью в душе у писателя Виктора Пелевина меньше зла и псевдоэлитарности, чем у его собрата по перу. Да и простой народ, похоже, он быдлом не считает. В отличие от Сорокина, обрекающего всё человечество, кроме его 23 тысяч избранных, на скорую гибель, Пелевин готов даровать этот высший мир каждому из смертных, кто способен очиститься от своих грехов.

Его книга добрее хотя бы потому, что самым высшим даром и для людей, и для оборотней, даром почти недостижимым для многих, он считает любовь. Любовь — это и есть ключ к постижению Радужного Потока. Без любви, как ты не прыгай, и не вертись со своим волшебным хвостом, ничего путного не получишь. Только мелкие гадости вроде ещё одного умерщвления ещё одного английского аристократа в Храме Христа Спасителя. Этих лицемерных колонизаторов мне несколько не жалко, Поизмывавшись столетиями над доброй половиной афро-азиатского мира, они вдруг нынче льют крокодиловы слёзы над бедными чеченцами. Лучше бы побыстрее

убиралось из северной Ирландии, а заодно из Уэльса и Шотландии, древних кельтских земель.

А если книга о любви, то не так важно, постмодернистским ли языком или сугубо реалистическим она написана. Инерция постмодернизма будет звучать ещё какое-то время в произведениях этого поколения прозаиков. Постепенно сходя на нет, и заменяясь все той же классической традицией высшего предназначения русской литературы. И на самом деле: "Каким ханжой надо быть, чтобы осуждать их за то, что они чем-то не похожи на других... С какой нежностью я вспоминаю сейчас эти дни! Прекрасно, когда два существа находят способ принести друг другу счастье и радость... Сколько их было, этих блаженных мгновенных отдыха, когда мы лежали на циновке, не в силах пошевелиться? Думаю, в сумме они дают вечность... Вот оно, облагораживающее влияние хранительницы очага. Отсюда и пошла цивилизация и культура..."

Но увидит ли писатель из своего тупика индивидуализма, от того отдаления от косного и тупого мира обывателей, от ледяного мрака, в котором на самом деле огромная масса подлецов, но в котором и герои, и жертвенники, и страдающие, и униженные, ради которых и стоить писать. Писатель, не понимающий мира простых людей, обречен на поражение. Все большие писатели несут в себе частицу Христа, омывая ноги своим простым согражданам.

Виктор Пелевин пока ещё послал на это соборный путь своего волчару, придав ему высшие возможности. И пока Саша Серый "очищает страну, ловит всех оффшорных котов", сам писатель устремляется вместе с мудрой лисой, впервые за 1200 лет познавшей настоящую любовь, в её высший свободный мир. Да, его оборотень на пути к этой свободе не убивает остальных смертных, как это безжалостно делает в своем романе Владимир Сорокин. Его лиса умеет радоваться за других, "испытывать это чувство, чистое и прозрачное, как вода из горного ручья". Его пелевинский оборотень, "когда постигнет, что такое любовь, может покинуть это измерение. Но предварительно он должен... облагодарить тех, кто помог ему на пути, и помочь тем, кто нуждается в помощи... Кроме того, оборотень должен вспомнить свои черные дела и раскаяться в них... И если зародившаяся любовь была истинной", после крика любви он может устремиться в своё "никуда".

"Я выведу в самый центр пустого утреннего поля, соберу в сердце всю свою любовь. Разгоню и взлечу... наступит удивительная секунда, не похожая ни на одну другую. Потом этот мир исчезнет..." Исчезнет не вообще, как в сорокинском человеконенавистническом романе, а исчезнет для лисы, обретающей свой лисий рай.

Ну что ж, пожелаем пелевинской лисе с незлым, хоть и хитрым сердцем, благополучно взлететь, и как бы она ни была уже близка и дорога нам, пусть летит в свое восточное буддистское китайское блаженство, а мы останемся с нашим русским волчарой, отказавшимся от такой блаженной возможности постижения нирваны, ибо много тяжелых и трудных дел у матушки России...

Смысл этого нового романа еще и в том, что писатель сам себе старается доказать, как важно "убедить самого себя в реальности своих выдумок", не в реальности тех или иных милых уже нашему сердцу оборотней. А в реальности самой литературы, в реальности её влияния на читателя. Он еще боится, но проговаривается, что мог бы написать о России "толстую умную книгу. Её мысль была бы такой: Россия общинная страна, и разрушение крестьянской общины привело к тому, что источником народной морали стала община уголовная. Распояняти заняли место, где жил Бог..., а когда был демонтирован последний протез религии, советский "внутренний парток", камертоном русской души окончательно стала гитара, настроенная на блатные аккорды. Но как ни тошнотворна тюремная мораль, другой ведь вообще не осталось... Арбузы есть, а порядочных людей нет, одни гебешные вертухаи да журналисты-спинтрии, специализирующиеся на пропаганде либеральных ценностей..."

Вот и до либеральных ценностей добрался когда-то очень либеральный писатель Виктор Пелевин. Сам же и испугался, мол, это не мое, это лисий ум. Нахавталась мнений отовсюду... "нет, что я пишу? Ужас..." Сразу для политкорректности надо подпустить едкую иронию в свой же пелевинский адрес, в чём он всегда был мастер. Сразу же поиграть на собственное снижение, мол, где нам с кувшинным рылом да в калашный ряд.

"Нет, хорошо всё-таки, что мне не нужно писать книгу о России. Какой из меня Солженицын в Ясной Поляне? Жить не

по лжи. L.G."

Но ведь мысли-то о России умные высказывать начал. Чего же играть на занижение, опускаться в болотце игрового постмодернизма. Уже никто и не поверит.

Особенно эти либеральные колумнисты, ибо других-то пока у нас нет. Вот уж кого писатель Виктор Пелевин от души ненавидит, так всю Интернет-колумнистскую сволочь. "Интернет-колумнисты про всё пишут с одинаковой подлостью — и про политику, и про культуру, и даже про освоение Марса". Пелевин даже сравнивает всех этих колумнистов с лагерными оварчарками, лаяющими в строго обозначенный хозяевами сектор пространства и стремящимися создать миражи, которые человек обязан принимать за реальность.

Способный всё-таки ученик у Михаила Петровича Лобанова на семинаре в Литературном институте воспитался. Кое-что запомнил и освоил, и даже поверил. Спасибо учителю.

Но если автор, отдающий свои главные мысли хитренькой и умной лисичке с богатым китайским прошлым, ещё останавливается в своих сокровенных думах о России, иронизируя в свой адрес, то осознанно придуманному для собственного оправдания в глазах либеральных издателей и западных славистов второму главному герою, откровенно русскому персонажу из крутых государственников, серому волчару, которому не случайно он вместе с лисой и отдаёт свою волшебную могущественную силу, удаляясь в нирвану индивидуализма, этому Саше Серому стесняется нечего и некого.

Саша Серый всех либералов с демократами давно определил куда надо. А также и заокеанских советников. "Мол, отважно взвейтесь над пропастью, крепче держитесь за дно, а потом до нас донесутся всевозможные аплодисменты мирового сообщества. А может, нам лучше без этих аплодисментов и без пропасти? Ведь жила Россия своим умом тысячу лет, и неплохо выходило, достаточно на карту мира посмотреть. А теперь нам, значит, пора в плавильный котел, потому что кто-то хорошо торгнул цветами. Это мы еще посмотрим, кому туда пора. Если кто-то сильно хочет нас переплавить, может оказаться, что мы ему самому поможем переплавиться в черный дым. Чем у нас есть, и долго ещё будет!"

Уж не самого ли Чубайса, так хорошо торговавшего цветами, хочет переплавить в чёрный дым крематория обаятельный и сильный герой романа? И таких фраз разбросано по всей книге. По-иному наш сверхоборотень волчары и разговаривать с либералами не желает. Да и помощники у него под стать. И зря, что ли, силу могучую ему перед своим улетом в сокровенное оставила любимая лисичка?

Чем больше подтекстов находишь в этой книге про оборотней, тем они всё круче и круче. Прямо, как у Григория Петровича Климова или же у Александра Проханова. Да и герой по человеческому виду своему прямо с Проханова молодого списан.

Но всё это как бы ещё и не автор. Всё это как бы его герои разговаривают, а порой и к действиям переходят. Не отвечать же автору за своих любимых героев?

Книга-то написана от первого лица. Написана от имени лисички. Это она морок такой антилиберальной и патриотической напускает на читателя. С неё и спрос. Себе же автор оставляет любовь и размышления о литературе. Ими я и закончу:

"Чтение — это общение, а круг нашего общения и делает нас тем, чем мы являемся. Вот представь себе, что ты по жизни шофёр-дальнотойщик. Книги, которые ты читаешь, — как попутчики, которых ты берешь в кабину. Будешь возить культурных и глубоких людей — наберешься от них ума. Будешь возить дураков — сам станешь дураком. Пробавляешь детективчиками — это... Это как подвозить малограмотную проститутку минета ради..."

Думаю, читатель сугубо традиционный и после всех моих слов читать книгу Пелевина об оборотнях, какими бы патриотами они ни были, не захочет. Но не для них книга и написана. А молодым от неё будет гораздо больше пользы, чем от простого либерального хлама, детективчиков или трудов "пятнадцатилетних сочинителей, с застенчивым румянцем снимающих перед читателем трусики с внутреннего мира своего поколения". Современному читателю нужна красота. И даже красивая обертка. Чего в традиционной культуре часто не предусмотрено. Отсюда и все беды с чтением.

У Виктора Пелевина есть и красота, и метафора, и разные палиндромические конструкции, есть и красивая обложка. Пусть привлекает читателя. Но есть в этой книге и любовь, и герой, и Россия. Это главное. От нашего волчары никому не уйти. Надо будет, и автора достанет. Может быть, этот волчара и есть символ вечной России?!